

Однако слава хитрого лиса была вполне заслуженной. Вэнь Цзюэ быстро совладал со смущением и, слегка приподняв уголки губ, прошептал:

— Когда делишь ложе с тем, кто мил твоему сердцу, любая боль обращается в радость.

Цзян Чуан не умел изъясняться столь изящно. Он лишь крепче прижал его к себе и тихо выдохнул на ухо:

— Обещаю тебе: впредь от близости со мной ты будешь испытывать не боль, а одно лишь блаженство.

Вэнь Цзюэ едва заметно кивнул. Он уловил в словах генерала искреннюю нежность, а не одну лишь животную похоть.

Впрочем, верилось в это с трудом. Помня, как прошлой ночью его прижимали к постели с силой разъяренного быка, Вэнь Цзюэ понимал: когда этот мужчина теряет голову от страсти, он забывает обо всем на свете.

Тем не менее, происходящее подтверждало, что его план работает без сучка и задоринки. Пожалуй, даже слишком успешно, что невольно удивляло самого Вэнь Цзюэ.

Радуюсь своей удаче, он в то же время оставался начеку, боясь поддаться мимолетному триумфу и упустить из виду скрытую угрозу.

*

Евнух, которому было поручено встретить их, уже давно дожидался у ворот дворца. Стоило экипажу остановиться, как он тут же согнулся в три погибели, расплывшись в заискивающей улыбке, а его хитрые глазки забежали из стороны в сторону.

Цзян Чуан первым спустился на землю с самым неприступным и грозным видом. Следом показался Вэнь Цзюэ, которого генерал, грубо ухватив за пояс, спустил с подножки.

Перед евнухом Цзян Чуан, напротив, держался чуть мягче:

— Пожалуйста, ведите нас, евнух.

Тот заулыбался еще шире, отвечивая поклоны:

— Слушаюсь. Поздравляю генерала и Его Высочество пятого принца со свадьбой! Его Величество и Ее Величество уже ожидают вас во дворце Куньнин.

При упоминании о свадьбе лицо Цзян Чуана вновь омрачилось, а Вэнь Цзюэ с привычным спокойствием произнес:

— Веди.

Вэнь Цзюэ протянул руку, и Чаннин уже сделал шаг вперед, но его опять бесцеремонно оттолкнул Цзян Чуан.

Генерал с суровым лицом перехватил ладонь супруга:

— Раз уж мы связаны узами брака, я не могу пренебречь волей Его Величества. Идем же, покажем государю, как мы «нежно и страстно» любим друг друга.

Последние слова он буквально выплюнул сквозь зубы, но лишь сам Вэнь Цзюэ чувствовал, насколько бережно и мягко муж поддерживает его под локоть.

Цзян Чуан незаметно покосился на шедшего впереди евнуха, а также на целую вереницу слуг, следовавших за ними по пятам.

«Слушайте, делайте выводы! Вы же так любите подглядывать и подслушивать?»

«Все, что вы хотите услышать, я выложу вам сполна!»

Он вновь посмотрел на шагавшего рядом Вэнь Цзюэ, и его раздражение как рукой сняло.

«Не можем же мы с Чжиюем вечно играть этот спектакль. По крайней мере, в собственной резиденции нужно жить свободно и спокойно».

«Надо будет выкроить момент и вышвырнуть из дома всех ищеек паршивого императора».

Но как провернуть эту «генеральную уборку» прилюдно и благопристойно, Цзян Чуан ума не мог приложить. Лицемерие, ложь и дворцовые интриги никогда не были его сильной стороной.

«Пусть лучше Чжией об этом позаботится. Уж он-то мастер решать подобные задачки».

При этой мысли генерал повеселел: «А Чжией у меня действительно невероятно умен!»

Вэнь Цзюэ чутко уловил перемену в его настроении – генерал словно радовался какому-то тайному помыслу.

До сих пор Вэнь Цзюэ казалось, что разгадать намерения Цзян Чуана проще простого. Ну какие секреты могут быть у прямодушного воина с горячим сердцем?

Однако теперь он осознал, что совершенно не понимает мотивов мужа. Тот не отличался слепой преданностью престолу, о которой твердили донесения, и не был таким уж упрямым тугодумом, каким Вэнь Цзюэ его воображал.

Обладай он зрением, ему было бы гораздо проще читать мысли Цзян Чуана по лицу.

Впрочем, слепота имела свои преимущества: по крайней мере, ему не приходилось созерцать чужое притворство и фальшивые улыбки. От одних только приторных голосов его уже тошнило.

Когда они вошли во дворец Куньнин, то увидели, что помимо восседавших во главе зала императора и императрицы, слева на почетном месте сидела дама в ослепительно роскошном наряде.

Встретивший их евнух не упомянул о ее присутствии – судя по всему, она прибыла совсем недавно. Но если бы она не явилась, Цзян Чуан удивился бы куда сильнее.

Эта женщина обладала неопишуемой, царственной красотой. Несмотря на блеск драгоценных камней и великолепие шелков, взгляд приковывала исключительно она сама.

Ее властное лицо внушало трепет, а высокомерная, подавляющая аура заставляла опускать глаза и безропотно подчиняться.

Цзян Чуан лишь скользнул по ней беглым взглядом. Оказавшись посреди зала, он ослабил хватку, отстранился от Вэнь Цзюэ и окончательно убрал руку.

Эти мелкие жесты не укрылись от внимания присутствующих. На лице императора заиграла благосклонная, полная скрытого одобрения улыбка, а императрица ласково, с притворной нежностью оглядела вошедших.

Молодожены совершили совместный поклон. Вэнь Цзюэ, несмотря на слепоту, соблюдал придворный этикет безукоризненно.

— Сын приветствует отца-императора и матушку-императрицу.

— Подданный приветствует императора и императрицу.

Император заметил, что Цзян Чуан кланяется и встает сам по себе, даже не глядя в сторону Вэнь Цзюэ, а на лице генерала застыла натянутая, вымученная гримаса.

Вэнь Цзюэ же поднимался медленно и плавно, но, встав на ноги, слегка покачнулся, затем расправил плечи и едва заметно нахмурился.

Удовлетворенный увиденным, император улыбнулся:

— Садитесь, — велел император.

— Благодарю Его Величество. / Благодарю отца-императора, — в один голос отозвались они и поднялись с колен.

Они выпрямились, и Цзян Чуан первым развернулся, сделав пару шагов к местам. Но вдруг, словно спохватившись, он оглянулся и увидел, что Вэнь Цзюэ так и остался стоять на месте.

До генерала будто только сейчас дошло, что супруг вошел в зал без слуги и без трости, а потому не может сделать и шага.

Он вернулся, взял его за руку и негромко бросил:

— Иди за мной. — И помог ему сесть.

Императрица улыбнулась еще ласковее:

— Посмотрите-ка. Я-то думала, что генерал Цзян, привыкший к битвам и кровопролитию на поле брани, совсем не умеет быть нежным. Но стоило ему жениться, как суровый воин превратился в нежный шелк. Видя твою заботу о Чжияе, я могу быть спокойна.

Цзян Чуан с каменным лицом произнес дежурные слова почтения:

— У пятого принца незрячие глаза, так что вашему покорному слуге надлежит заботиться о нем.

Сидевшая поодаль дама в роскошном платье презрительно фыркнула:

— Ха, неужели? Что-то не верится. Актер из вас, генерал Цзян, прямо скажем, никудышный!

Император строго прикрикнул:

— А-Янь!

Голос его звучал сурово, но в нем не было подлинного гнева. Он лишь покачал головой с явным

бесси́лием, за которым скрывалась безграничная родительская любовь.

Вэнь Цзюэ невольно повернул голову на звук голоса, и на его лице наконец-то появилась искренняя, теплая улыбка:

— Императорская сестра тоже здесь?

Вэнь Янь пристально оглядела брата, подмечая следы изнурения, и убедилась, что прошлую ночь тот провел несладко.

Затем она перевела взгляд на Цзян Чуана, потом снова на хрупкого, словно выточенного из хрусталя брата. Едва сдерживая клокотавшую внутри злость, она процедила ледяным тоном:

— Пришла посмотреть на вашу... — Вэнь Янь сделала паузу и язвительно закончила: — ...чудесную чету.

Атмосфера в зале мгновенно сделалась натянутой. Цзян Чуан испытывал к этой принцессе весьма неоднозначные чувства.

В прошлой жизни, едва женившись, он сразу понял, что великая старшая принцесса Чэнью его не жалует. Это не была чистая ненависть – скорее глубокое пренебрежение.

До свадьбы они почти не общались и виделись лишь мельком. Неприязнь великой старшей принцессы Чэнью вспыхнула именно после его бракосочетания с Вэнь Цзюэ.

Тогда Цзян Чуан не придавал этому значения. Делить им было нечего, а учитывая ее высокое положение, проще было просто держаться от нее подальше.

Но поскольку Вэнь Цзюэ бесконечно дорожил своей императорской сестрой, генерал тоже старался выказывать ей долю уважения.

Позже, когда они с Вэнь Цзюэ расстались, ненависть великой старшей принцессы перешла все границы. Она всячески строила ему козни, что изрядно злило Цзян Чуана, хотя он и пытался успокаивать себя тем, что не стоит препираться с женщиной.

В глубине души он все же относился к ней свысока, считая слабой женщиной.

А в итоге в прошлой жизни он едва не расстался с жизнью по ее вине из-за Вэнь Цзюэ... Впрочем, поделом ему.

Его действительно стоило ненавидеть. Каково это – видеть, как твоего любимого младшего брата по императорскому указу выдают замуж за мужчину, лишая возможности продолжить род и когда-либо претендовать на престол?

Хотя из-за слепоты он и так не имел на это шансов...

К тому же за его спиной постоянно шептались недоброжелатели: «И что с того, что он принц? Все равно ложится под генерала Цзяна!» или «Слыхали, он сам, без стыда и совести, вымолил у императора этот брак? Жалкое зрелище...» или «Этот нелюбимый сын государя только обуза для нашего генерала, Цзян Чуану прямо-таки не повезло!».

Никто не знал, кто именно пустил слух, будто Вэнь Цзюэ униженно выпрашивал этот брак. Бедного принца смешали с грязью.

Но Цзян Чуан теперь понимал: разве Вэнь Цзюэ был в чем-то виноват? Все это затеял паршивый император, желавший проучить и приструнить строптивого генерала.

Как бы то ни было, Вэнь Цзюэ натерпелся из-за него сполна. Оглядываясь назад, Цзян Чуан понимал, что заслужил каждую крупницу ненависти принцессы. Его вообще следовало хорошенько поколотить.

Сколько еще обид пришлось пережить Чжияю там, где муж не мог его защитить?

Поэтому теперь, невзирая на ее язвительный тон, Цзян Чуан не стал злиться, как в прошлой жизни, а лишь вежливо поклонился:

— Премного благодарен за заботу, императорская сестра.

Вэнь Цзюэ прикусил губу, изо всех сил стараясь не расхохотаться.

От этого притворного «императорская сестра» Вэнь Янь аж опешила от злости и язвительно рассмеялась:

— Заботу? Ну уж нет, много чести. У меня полно дел, некогда мне о вас беспокоиться.

Улыбка Цзян Чуана слегка увяла, и он промолчал.

В зале вновь воцарилось неловкое молчание. Императрица поспешила разрядить обстановку:

— Чэнью остра на язык, но она вовсе не желает обидеть генерала Цзяна. Надеюсь, вы не станете принимать ее слова близко к сердцу.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — ответил Цзян Чуан.

Вэнь Янь проигнорировала императрицу, демонстративно поднялась и вышла на середину зала:

— Отец-император, у меня еще много дел.

Гордая и непреклонная великая старшая принцесса склоняла голову только перед государем.

Всем своим видом она показывала, что ни во что не ставит ни императрицу, ни генерала. И такую невиданную дерзость ей прощал сам император, бывший её главной опорой.

Императору, судя по всему, даже нравилось это ее высокомерие. Он с улыбкой махнул рукой:

— Ступай, коли нужно. Нечего тут надоедать мне и твоему брату.

Вэнь Янь слегка присела в поклоне и притворно надулась:

— Вот закончу обучать столичных ремесленников, уж тогда-то я житья отцу-императору не дам!

С этими словами она развернулась и покинула зал, перед уходом бросив короткий взгляд на Вэнь Цзюэ.

Император со вздохом покачал головой:

— Ну и характер! Вся в матушку-наложницу пошла – сущая капризница!

Императрица согласно поддакнула, и лишь после этого император соизволил обратить взор на безмолвного Вэнь Цзюэ:

— А вот Чжияй совсем не похож на свою матушку. Слишком уж тихий, говорит еле слышно. Такой робкий да нелюдимый – даже не знаю, в кого он уродился.

Императрица ласково пропела:

— Что вы, Ваше Величество. Вы, верно, позабыли, что когда сестрица супруга Чэнь носила Чжияя под сердцем, она тоже сделалась на редкость тихой и осторожной. Так что он точь-в-точь пошел в нее!

Эти слова явно пробудили в душе императора какие-то неприятные воспоминания. Улыбка сошла с его лица, а взгляд, устремленный на сына, стал колючим и холодным.

Вэнь Цзюэ никак не выдал своих чувств, ответив ровным и безучастным голосом:

— Сын лишен зрения, посему вынужден быть тихим и осторожным. Откуда у меня возьмется веселость и бойкость?

В этих словах сквозила явная обида. Лицо императора потемнело от недовольства, а императрица продолжала сладко улыбаться.

Слыша сквозившую в голосе юноши горечь, Цзян Чуан до боли сжал кулаки. Вэнь Цзюэ не видел этого, но генерал отчетливо замечал, как император с супругой изощренно травят его мужа.

Они ведь родились от одних родителей! И великая старшая принцесса Чэнью купалась в безумной, безграничной любви отца.

Почему же Вэнь Цзюэ удостоился лишь презрения и забвения? Его отравили, лишили зрения, и ни одна живая душа не проявила к нему участия. Не будь защиты сестры, он давно бы сгинул в безжалостных недрах дворца.

Если бы не этот брак, император вообще не даровал бы ему княжеского титула, да и сейчас никто при дворе не воспринимал его звание всерьёз.

Цзян Чуан не понимал причин такой несправедливости, его сердце обливалось кровью за Вэнь Цзюэ.

Но сейчас ему приходилось разыгрывать роль раздосадованного, недовольного навязанным браком супруга.

— Не сказал бы, — холодно вставил он, опровергая слова Вэнь Цзюэ, чтобы ввести в заблуждение правителя. Но про себя добавил: «В постели-то ты бываешь весьма... бойким, уж это точно».

Генерал презрительно фыркнул, нарочно демонстрируя пренебрежение к Вэнь Цзюэ на радость паршивому императору.

И действительно, завидев разлад между молодоженами, император с супругой повеселели и завели пустые светские разговоры.

После пары дежурных фраз евнух зачитал указ о даровании свадебных подарков.

Принесли всего пять сундуков с вещами да ворох мелких безделушек. По сравнению с щедрыми дарами на свадьбы других принцев это выглядело сущей насмешкой.

Цзян Чуан созерцал это убожество с ледяным спокойствием, а про себя ругался последними словами: «Скряга чертов!»

Император величественно восседал на троне, ожидая, когда они падут ниц в благодарственном поклоне, но Цзян Чуан даже не шелохнулся. Более того, Вэнь Цзюэ тоже оставался неподвижен!

Откуда правителю было знать, что генерал под столом крепко прижимал ногу Вэнь Цзюэ своей ладонью, не давая тому подняться?

Вэнь Цзюэ недоумевал, как вдруг услышал громкий голос Цзян Чуана:

— Так это, выходит, дары по случаю возведения Его Высочества в достоинство князя Цзинь? Что же вы медлите, князь Цзинь? Полноте, ступайте поблагодарить отца-императора за великую милость!

Император: ...

В зале воцарилась гробовая тишина. Вэнь Цзюэ на мгновение растерялся и едва удержался от улыбки. В ту же секунду Цзян Чуан убрал руку с его колена.

Император прищурился, сверля генерала свирепым взглядом, из последних сил сдерживая ярость.

Цзян Чуан бесстрастно склонил голову:

— Мой государь поистине великодушен и мудр! Подданный понимает, что Его Величество подготовил два подношения, дабы вручить их разом в этот благословенный день и сотворить двойной праздник!

Императрица едва сдерживала дрожь: на самом-то деле подарок был всего один!

Вэнь Цзюэ вышел на середину зала и склонился в глубоком поклоне:

— Сын благодарит отца-императора. Я думал, что из-за бремени государственных забот отец позабыл о моем княжеском титуле, но, оказывается, вы все помнили. Мое сердце переполнено трепетом и безграничной признательностью.

В прошлой жизни титул «князя Цзинь» остался лишь пустым обещанием, брошенным императором при оглашении брачного указа. Никаких церемоний, даров и, самое главное, записи в императорской родословной книге так и не последовало.

Поэтому никто при дворе и не признавал его княжеского достоинства.

Но теперь Цзян Чуан твердо вознамерился припереть правителя к стене и заставить его вернуть Вэнь Цзюэ все, что причиталось по праву!

С потемневшим от гнева лицом император только приоткрыл рот:

— Я не...

Но Цзян Чуан бесцеремонно перебил его:

— На свадьбе князя И ваш покорный слуга лично присутствовал. Дары Вашего Величества тогда лились нескончаемым потоком — с десятков сундуков один за другим внесли в его резиденцию. То была поистине великая щедрость.

— Ныне же подданный сочетался браком с князем Цзинь. Пользуясь вашим высоким доверием, я не смею равнять себя с князем И, но неужто при всей вашей благосклонности к нам полагается лишь эта горстка безделушек? Поразмыслив, я понял, что эти сундуки — лишь скромный дар по случаю возведения Его Высочества в княжеское достоинство.

— Государь милосерден к своему верному слуге! И подданному остается лишь не жалеть своей крови, защищая родину и верно служа Вашему Величеству!

С этими словами Цзян Чуан опустился на колени подле Вэнь Цзюэ и склонил голову в земном поклоне.

Вэнь Цзюэ вторично совершил поклон:

— Отец-император воистине великий и справедливый правитель.

Они подыгрывали друг другу так искусно, что буквально загнали государя в ловушку. Он оказался на вершине почета, откуда не мог спуститься: ни проявить милость, ни взорваться гневом было нельзя.

А главное — пламенная речь генерала служила тонким напоминанием о его военных заслугах. Он совершил великие подвиги во имя родины, и пренебрегать им было смертельно опасно.

Цзян Чуан ничего не боялся. Он прекрасно знал свое превосходство: паршивый император зависел от него целиком и полностью, и без побед генерала трон под ним зашатался бы в тот же миг.

Император готов был плевать кровью от ярости, но был вынужден проглотить обиду. «Этот щенок Цзян смеет заявлять, что моих даров слишком мало? Настоящий волк в овечьей шкуре! Нельзя оставлять его в живых!»

Императрица до боли вонзила ногти в ладони, выдавливая из себя подобие улыбки. Внутри у нее все кипело от негодования. «Этот Цзян Чуан — сущий разбойник с большой дороги! Смеет вымогать богатства прямо перед лицом государя!»

«Вэнь Цзюэ — всего лишь слепой калека. Тратить на него сокровища — все равно что выбрасывать их в грязь!»

— Генерал Цзян... — начала было она.

Но император резко оборвал ее:

— Поднимитесь. Я вижу вашу преданность. Этот брак заключен по моей воле, так почему бы вам и не сравниться с князем И? Даров действительно слишком много, чтобы зачитывать весь список. Ступайте, позже слуги доставят все в вашу резиденцию.

Императрица задрожала от ярости и едва не закричала. Государь действительно уступил их

наглым требованиям?! Выделил столько богатств и подтвердил княжеский титул этого ничтожества?

Разве это не возвеличивало Вэнь Цзюэ? Разве это не превозносило усопшую наложницу?

Ее лицо исказилось от злобы, но ей приходилось из последних сил сохранять величественную осанку. Она не смогла проронить ни слова.

Так, благодаря слаженному спектаклю Цзян Чуана и Вэнь Цзюэ, им удалось не только заставить паршивого императора расщедриться на свадебные дары, но и вырвать у него полноценное признание княжеского титула.

Его имя внесли в императорскую родословную книгу, назначили ему жалование и выделили личные удельные земли.

В этой тихой битве без единого выстрела они одержали сокрушительную победу.

Впрочем, Вэнь Цзюэ отдавал себе отчет в том, что триумф стал возможен лишь потому, что император по-прежнему боялся генерала и нуждался в нем.

Если Цзян Чуан лишится влияния до того, как сам Вэнь Цзюэ претворит в жизнь свои великие замыслы, то от его княжеского титула не останется и следа, а его самого ждет неминуемая гибель.

Он не планировал столь рано раскрывать карты перед государем, но сегодняшняя атака позволила оторвать от императорской плоти крошечный, с ноготок, кусочек. Мало, но заставит правителя изрядно помучиться от боли.

И Вэнь Цзюэ находил это необычайно приятным!

Не находясь они сейчас под присмотром сотен глаз в императорском дворце, он ни за что не удержал бы торжествующей улыбки.

Покидая дворец Куньнин, супруги хранили молчание. Лицо Цзян Чуана вновь сделалось суровым и бесстрастным – они казались чужими друг другу людьми, что не укрылось от взглядов любопытных слуг.

Лишь когда они на миг сближались, генерал шептал так, чтобы услышал только Вэнь Цзюэ:

— Держишься еще?

Вэнь Цзюэ едва заметно кивнул. Его слабое тело ныло после бурной ночи без сна, а ранний подъем и утомительная словесная дуэль с недругами отняли последние силы. В былые времена он, верно, давно лишился бы чувств.

Но сейчас он чувствовал удивительную лёгкость и бодрость духа — возможно, сказывалось ни с чем не сравнимое упоение от первой маленькой победы над императором.

Когда они уже подходили к дворцовым воротам, дорогу им внезапно преградила служанка.

— Приветствую генерала, приветствую Его Высочество пятого принца. Ваше Высочество, великая старшая принцесса Чэнью просит вас пожаловать к ней. Генералу же следует возвращаться одному. Позже принцесса сама отправит экипаж, дабы доставить Ваше Высочество обратно в резиденцию.

И Цзян Чуану не оставалось ничего другого, кроме как беспомощно наблюдать, как уводят его супруга. Все его мечты о том, как он обнимет и зацелует любимого, стоило им сесть в карету, рухнули в одно мгновение.

<http://bllate.org/book/20326/2029318>